

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ДЕНИС ВАТУТИН

КРАСНОЕ ЗЕРКАЛО.
ЛЕГЕНДА СУМАСШЕДШЕГО

РОМАН

Москва, 2013
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
В21

Серия основана в 1992 году
Выпуск 851

Художник
В. Федоров

Ватутин Д. А.
В21 Красное Зеркало. Легенда сумасшедшего: Фантастический роман.— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013.— 376 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1503-8

Все началось с бессвязного лепета одичавшего геолога...

Итак, мы на Марсе, в недалеком будущем. Жизнь на Марсе есть, но какая... Смесь мрачного Средневековья с Диким Западом! Нехватка воздуха, нехватка энергии, нехватка человечности. Смерть в красной пустыне — будничное событие, бункер «Оазис» — радостное пристанище. Загадочные аномалии не дают завершить колонизацию Марса, а тут еще группа туристов с Земли — любителей острых ощущений, которым вздумалось покорить самую высокую гору в Солнечной системе — вулкан Олимп! Нелегкая задача для проводников, тем более что эти туристы, да и сама гид группы, загадочная и красивая девушка Ирина, ведут себя очень подозрительно! Все это смахивает на заговор, но вот против кого? А может, все это плод воспаленного воображения?

В этой книге живой, динамичный и непредсказуемый сюжет: детектив переплетается с романтикой и юмором, батальные сцены — с мистическими событиями, воспоминания и история человечества — с давно наступившим будущим...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1503-8

© Ватутин Д. А., 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

Посвящается И. Т.

Уроборос, ороборос (с *греч.*, букв. «пожирающий свой хвост») — мифологический мировой змей, обвивающий кольцом Землю, ухватив себя за хвост. Считался символом бесконечного возрождения, одним из первых символов бесконечности в истории человечества. Также было распространено его изображение не в виде кольца, но в виде «восьмерки».

Ахимический символ

У верблюда два горба,
Потому что жизнь — борьба!

Старинная марсианская мудрость

Студенту-физику задают вопрос на экзамене в семинарию.

Священнослужитель:

— А знаешь ли ты, сын мой, что есть Сила Божия?

Студент:

— Конечно! Божья Масса, помноженная на Божье Ускорение!

Анекдот

— Гребаная планета! — в сердцах сплюнул Йорген, ударя ладонью по заклинившему рожку своего старенького АК-108. Он резко отбросил магазин в сторону и снял с пояса следующий.

— Побереги патроны, Акмэ¹, — хриловатым низким голосом сказала Сибилла, сидевшая в бункере напротив и заряжающая свой защитный костюм от портативного генератора.

Раздался сухой треск короткой очереди.

Бац!

Бац!

Бац!

¹ А к м э (с *др.-греч.* высшая точка, вершина) — соматическое, физиологическое, психологическое и социальное состояние личности, которое характеризуется зрелостью ее развития, достижением наиболее высоких показателей в деятельности, творчестве. Считается, что данный период в жизни человека приходится на возраст от 30 до 50 лет. В психоанализе данный термин обозначает «пик» удовлетворения в сексуальном акте. Другое понимание акмэ — зрелость, лучший возраст человеческой жизни (30–45 лет). В медицине: высшая точка развития заболевания.

Сибилла отбросила с лица прядь густых черных волос и ухмыльнулась, глядя на Йоргена, который с остервенением лупил из автомата по церберам. Они с низким утробным лаем бросались к амбразуре, с рваным треском царапая когтями чуть покатуя бетонную стену. Урчание и гулкий визг вперемешку с предсмертным гортанным клекотом отражались в бункере дота, как в резонаторной коробке, перемежаясь с тусклым позвякиванием отстрелянных гильз. Стая была крупной — особой пятнадцать — двадцать, и были среди них и двух-, и трехголовые мутанты.

— Все равно они к вечеру уйдут за бархан, к свалке за «Геофизикой». — Лениво потянувшись, Сибилла закурила.

— Я уже просил тебя, кажется, — прижавшись к прикладу, процедил Йорген, — не называть меня Акмэ...

Бац!

Бац!

— А чего здесь такого? — невинно вскинула густые черные брови Сибилла.

— Просил?! — Йорген, казалось, кричал это церберам. — Я тебе сколько раз...

Бац!

Бац!

Бац!

— Слушай, Йорген! — не выдержал я, быстро откладывая в сторону электронный планшет. — Не нагнетай, бога ради! И без тебя есть о чем голове поболеть, а ты еще тир тут устроил!

— Слушай, Странный, — в тон мне огрызнулся Йорген, — иди лучше к туристам: там дамочка-гид симпатичная больно, вот и займись ею, а меня оставь в покое!

— А тебя больше собаки интересуют, — ехидно парировал я.

— Заткнись!

Раздалась длинная очередь, и фальшивыми колокольчиками брызнули гильзы на бетонный пол.

— Он бесится, что его дромадера скушали юварки¹, которых он так сильно любит, — усмехнулась Сибилла и, обращаясь к амбразуре: — Не горюй так, мы тебе нового купим в Городе.

В проем дота заглянула Ирина, гид туристической группы «кси-516», следом за ней, трясущийся от нетерпения, сунул свою рыжую голову щекастый и конопатый Крис Паттерсон — не то канадец, не то американец. Он снял очки, протер линзы о толстый мохеровый свитер и замер, как собака в ожидании, когда хозяин положит в миску вкусную кость.

— Извините, если помешаю, — ровным голосом произнесла Ирина в паузе перезарядки автомата. — Крис хочет посмотреть на марсианских собак. Это можно?

— Милости просим, — сказал я тоном балаганного зазывалы, — зрелище впечатляющее и к тому же абсолютно бесплатное! Сценка называется «Йорген — сеятель боекомплекта»! В античной греческой легенде один герой, чтобы пройти испытание на крутость характера, засеял поле зубами дракона, и из них выросла армия свирепых воинов, с которыми он сразился. Насколько я понимаю, Йорген пытается проделать сейчас что-то подобное, только непонятно зачем...

— Это легенда об Аргонавтах, — перебила Ирина, бросив на меня слегка насмешливый взгляд, — и герой, Ясон, проходил это испытание, чтоб завладеть волшебным Золотым Руном, которое приносит богатство и славу.

— Знаете, дамочка, — отозвался Йорген, — мы все здесь в какой-то степени ищем это самое «золотое руно», просто не знаем, как оно выглядит точно...

— А почему эти твари есть такие большие и имеют несколько голова? — вмешался Крис, который своим староамериканским акцентом мог доконать кого угодно: казалось, что наступление ледника на Северо-Американский континент сказывалось на некоторых людях.

¹ Юварк — полуженщина-полуптица, или, как пишет Браунинг о своей умершей жене Элизабет Баррет, — полуангел-полуптица. Она может, распахнув руки, пользоваться ими как крыльями, и тело ее одето шелковистым оперением. Живет она на острове, затерянном среди антарктических вод, и была там обнаружена потерпевшим кораблекрушение моряком Питером Уилкинсом, который на ней женился.

Крис был неторопливым, но любопытным и настырным, медленно и тщательно выговаривал каждое слово. Он утверждал, что работал на земле экзобиологом, но мы решили, что это грязная ложь, и максимум, что он делал, имея денюжки своего папочки-миллиардера, — так это разводил хомячков для лабораторных опытов.

— Эти собаки мутировали под воздействием низкой гравитации и космических лучей, — терпеливо объяснила Ирина. — К тому же у Марса имеются два спутника — Фобос и Деймос, которые компенсируют часть гравитации планеты, что позволяет некоторым организмам...

Крис смотрел на Ирину глазами, полными чистого детского идиотизма, как если бы взрослая мама объясняла ребенку лет пяти устройство синхрофазотрона или генератора переменного тока. Я крепко зажмурил глаза — вся эта ситуация казалась мне каким-то безумным абсурдом в стиле обрывочных сновидений. Все вели себя так, будто мы выехали на пикник в национальный парк джунглей Амазонки, а во все не сидели сейчас на другой планете, на которой творится черт-те что и в любой момент каждый из нас может погибнуть от чего угодно — начиная с мутировавшего вируса, заканчивая глюком или каким-нибудь голодным зверем. А в заброшенных армейских блокпостах могли сработать автоматические системы защиты или хотя бы просто банальная песчаная буря на месяц-полтора. Ладно — туристы, но Охотники-то люди опытные, а ведут себя, как...

— Ирина, — не выдержала наконец Сибилла, — скажите Крису, что мы сегодня ночью выходим на маршрут, и он еще много всего увидит...

— Хорошо. — Ирина прервала свой рассказ. — Я поняла. Крис, пойдете в бытовой сектор — Охотникам нужно подготовиться к ночному переходу.

Крис блаженно кивнул и послушно поплелся за своим гидом.

Я иногда поражался ей, этой миниатюрной хрупкой девушке, которая своим спокойствием и здравомыслием, а главное — внутренним ощущением уверенности могла сдерживать эту шайку сумасшедших самоубийц от полной моральной деградации. Она сама на Марсе второй раз! Как она выжила в первый — для меня остается глубокой тайной. Гово-

рит — тур был небольшой, в Новые Афины. Ну, не знаю — здесь царит хаос повсеместно, и все уже так к этому привыкли, что на исчезновение очередной группы «отдыхающих» (как их называл Йорген) никто бы даже не отреагировал — ни тут, ни тем более на Земле.

Я вспомнил, как мы встретились: с орбиты сообщили о прибытии частника — корпоративного пассажирского транспорта с посадочными шаттлами на борту. Ракетный Сезон¹ начинался только через два с половиной месяца, а сейчас было затишье. Сказали — мол, говорят, туристы хотят добраться до вулкана Олимп, если вы их найдете после приземления и они сразу не угодят при этом в какой-нибудь глюк, — вам неплохо заплатят, а там — смотрите сами. В глюк они не угодили, но искали мы их три сола², пока не встретили возле заброшенной станции техобслуживания, где их держали под контролем палдины. Отдыхающие даже не успели понять, что с ними произошло, они думали — это их встречают. А палдины просто ждали, когда те захотят есть или пить, — а потом их за это можно было бы и обчислить до нитки. Пришлось немного пострелять, но больше для виду, чтобы палдины успокоились. Их главный, не слезая с борова, словно памятник, подъехал к нам и приказал назвать наши имена. Мы назвали, и тогда он сказал, что такие вольные Охотники есть в его списке Доверенных Охотников Этой Долины. Потом назвал свой процент с груза, который обязательно спускали вместе с шаттлом: деньги на Марсе непопулярны.

Мы поторговались, пригрозили орбитальной бомбежкой со станции, они пригрозили армейскими бластерами... в общем, был выполнен весь необходимый ритуал выкупа отдыхающих, и кончилось все благополучно. Над полуразрушенными корпусами СТО поднялся лениво трепещущий бело-голубой флаг военно-космических сил, на котором был изображен кентавр, стреляющий из лука в звезду, — таким образом, палдины давали понять, что настроены мирно.

¹ Раз в 18 земных месяцев Марс находится к Земле на ближайшем расстоянии, что позволяет экономить ракетное топливо. Редкие рейсы бывают и вне Ракетного Сезона, но время РС считается наиболее удачным для перелетов. В это время на Марс прибывает большая часть грузов, колонистов и туристов.

² Со л — вариант названия марсианских суток.

Под тяжелую поступь и похрюкивание своих свиноконей они удалились в ангар. Туристы выехали нам навстречу на вьючных дромадерах. На переднем мясистом альбиносе покачивалась хрупкая фигурка в экстрим-комбезе. Она подъехала ко мне, и я поднял забрало светофильтров своего шлема.

— Как вас зовут? — спросил я с любопытством.

— Ирина, — ответила она, тоже приподняв забрало, и... я на некоторое время остолбенел, засмотревшись в огромные серые глаза, внутри которых мерцали золотые искорки...

— Русская? — спросил я нарочито небрежно.

— Да, а вы? — ответила она в тон мне.

Я ухмыльнулся:

— Во мне намешано столько кровей, что, пожалуй, лучше об этом не думать.

Вот так этот путь и начался...

Вернее, начался он с моего прилета на Марс и моей дурацкой тяги ко всему новому и невыносимой жажды одиночества. Я здесь был уже пятый год (по марсианским меркам — чуть меньше трех), хотя ощущение было, что уже лет десять. Сам не знаю, что меня потянуло с этими двумя типами из одного полушария в другое. Но я-то ладно... А она, спрашивается, она здесь зачем, да еще с такой обузой, как туристы? Закопанные в подсознании комплексы? Тяга доказать всем свою самостоятельность? Жажда острых ощущений после перенаселенных земных мегаполисов и жесткого климата? В России еще не так плохо с погодой — нет таких резких разниц температур, как во многих других странах. Что ей тут надо? Нереализованная девочка — ответ был настолько очевиден, что я не мог его принять: наверное, что-то мешало мне поверить такой банальности. Первое, что я подумал, глядя на нее, — никогда, ни при каких обстоятельствах у меня НИЧЕГО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ С ЭТОЙ ЖЕНЩИНОЙ ОБЩЕГО!

— И как вам Марс? — задал я тогда вопрос.

— Нормально, — ответила она.

Мне показалось, что она рисуется.

— Нет тут ничего нормального, — резко прикрикнул я. — ЗДЕСЬ вам, дамочка, не ТАМ!

Было видно замешательство на ее лице, а может, просто загар ей очень шел...

— Я, может, не так выразилась, — сказала она, слабо улыбнувшись. — Интересно очень.

— Интересно здесь выжить, — буркнул я.

Она посмотрела на меня с любопытством и, как мне показалось, с жалостью.

«Самоуверенная скучающая нахалка», — подумал я и отвернулся. Да и плевать — вот посмотрим, какое у нее будет лицо, когда мы доберемся до Олимпа и начнем на него залазить: 27 километров высоты при марсианской атмосфере — это я не назвал бы «интересным», даже учитывая то, что мы будем в специальном аэростате.

Несколько дней шла наша смена по равнине Элизий, которая подходила к концу, спускаясь к равнине Амазония, упиравшейся на юге, в районе экватора, в плоскогорье. Первое происшествие произошло только вчера и только с верблюдом.

После небольшого перехода по Пустоши Свана, где на нас напало четверо юварков, которые буквально выгрызли Йоргенова верблюда прямо из-под его седла, мы остановились в «ОАЗИСЕ-213». Это бетонный полуподземный бункер с бытовыми помещениями и четырьмя дотами по периметру — таких убежищ по Марсу несколько сотен, они оснащены автономными генераторами на солнечных батареях, минимальными запасами оружия и продовольствия и примитивными средствами планетарной связи (если, конечно, там не побывали мародеры). Их строили военные в период Первой Волны.

Мы стали готовиться к переходу: проверили все оборудование, оружие, аккумуляторы и стали все втроем делать зарядку: это туристы тут недавно, а сила тяжести на Марсе в три раза меньше, чем на Земле, и, чтобы наши мышцы — мышцы аборигенов — здесь не атрофировались, физические упражнения были просто необходимы. Зато мы могли носить с собой гораздо большую кучу разного полезного хлама, и рюкзаки наши и поклажа на верблюдах были внушительных размеров.

Ночь наступила...

Сегодня она была на редкость темной — воздух был гус-

тым и каким-то фиолетовым. Небо — прозрачным, слегка подернутым мутноватой дымкой — даже видно звезды. Обычно ночью на небе висят большие ломти облаков и что-то вроде смога, который отсвечивает зловеще-красноватым сиянием, — это из-за парниковых газов, которые поддерживают слабую атмосферу и выравнивают температуру Марса. Свечение же по ночам присутствует из-за мощной ионизации верхних слоев атмосферы, которые не так уж высоко. Да и дифракция солнечных лучей сильнее, чем на Земле.

На темном ночном небе взошел Фобос. Маленькая и бледная луна. Он является эллипсоидом, около десяти километров в диаметре. Фобос падает на Марс: за каждые сто лет приближается к красной планете на девять метров и рано или поздно упадет на него, если никто не разберет его на куски. Восходит он на местном эквиваленте запада, света фактически не дает. Фобос совершает обращение вокруг планеты втрое быстрее, чем сам Марс вращается вокруг своей оси. За сутки Марса этот малютка успевает совершить три полных оборота и пройти еще дугу в 78 градусов. Фобос в переводе с древнегреческого означает «страх». Может, это он тараритесь своим кратером Стикни в мой затылок, словно мертвой глазницей черепа? Почему я об этом подумал? Я же не турист, а это всего лишь мертвый никчемный булжик, который несколько миллиардов лет болтается на орбите. И «страхом» его называли люди: ему самому все наше копошение — тьфу, и растереть... Но все же что-то не мертвое, а живое есть, кроме нас, в этой пустыне, этой ночью... где-то рядом...

Я наблюдал, как из гаражных ворот бункера выводят заспанных дромадеров и невыспавшихся туристов в экстрим-комбезах с рюкзаками. Их было восемь человек — большая группа для Марса. Было холодно, из-под дыхательных масок выбивался пар. Пятнами сквозь него преломлялся свет нашлемных фонарей. Ирина уже была в седле, она сидела, застыв как изваяние, молча наблюдая за погрузкой своих подопечных по верблюдам.

Йорген и Сибилла вышли из ворот последними и закрыли створки гаража за собой.

— Никто ничего не оставил, — донесся приглушенный

маской голос Йоргена — не то утвердительный, не то вопрошающий. Он обращался к Ирине. — Странный поедет первым в смене, он хорошо знает дорогу, — продолжил он, — вы за ним, мы с Сибиллой замыкаем. По первой же нашей команде вырубаете нашлемные фонари. Вы проинструктировали граждан отдыхающих?

— Да, конечно, — тихим, но твердым голосом ответила она.

Осиротевший на транспорт Йорген забрался в седло позади Сибиллы и сразу перевесил свой автомат со спины под локоть. Местные дромадеры были гораздо крупнее своих земных сородичей — причина все та же: маленькая марсианская гравитация и луны. К тому же жировые ткани у них были слегка гипертрофированы — это позволяло им защищать себя от марсианской радиации.

— Ну, — Йорген выдохнул облачко пара, — тронулись.

И наш отряд побрел по еле заметной тропинке, которая вела на гребень огромного бархана. Некоторое время Ирине понадобилось на то, чтобы навести среди отдыхающих порядок. Они никак не могли понять, в каком порядке им ехать: мужчины рвались быть первыми, женщинам хотелось ехать по двое или по трое, чтобы вести непринужденную беседу.

— Поймите, — говорила Ирина спокойным голосом, — это для вашей же личной безопасности. Мы во всем должны слушаться Охотников — они знают здесь все.

«Хотелось бы мне знать здесь все!» — подумалось мне. Но по сравнению с ними и в их глазах мы — вездесущие и всемогущие аборигены Красных Песков. И все же меня не покидало странное беспокойство, которое возшло во мне вместе с Фобосом. Что-то не так! Мне казалось, что за нами кто-то внимательно наблюдает, — такое непонятное напряжение в затылке... Вокруг только пески, которые сейчас казались темно-фиолетовыми. Они молчали: ни следов, ни каких-то знаков... Воздух тоже был спокоен — дул легкий и прохладный ночной ветерок, слегка шелестя песчинками на гребне огромного бархана, и тишина... Темный силуэт «Геофизики» медленно исчезал в ночном мраке по левую сторону...

Я достал драгоценную флягу со спиртом и сделал пару

глотков живительной влаги. Алкоголь на Марсе был дефицитом, но я выискивал свои способы его найти — он помогал выводить радионуклиды и придавал спокойствие более качественно, чем релаксанты.

Я подумал о нашем гиде, которая так спокойно держится с этими туристами: странная она какая-то девушка. С виду холодная и безэмоциональная, а в глазах ее я часто видел бурю эмоций — от боли до какой-то тихой, радостной грусти. Иногда интерес и пристальное внимание излучали ее глаза... Возможно, у меня и нет с нею ничего общего, но меня тянуло к ней каким-то магнитом. Может, просто банально все непонятное иногда притягивает — или просто от скуки в пути? Казалось, что там, внутри, в глубине души этой миниатюрной и бесстрастной женщины, скрыто нечто мощное, удивительное и... не знаю, как сказать... что-то совсем не такое, как снаружи... Сравнить с сокровищами в глубине пещеры на необитаемом острове? Нет, что-то гораздо более живое и искреннее... и какая-то боль...

Словно почувствовав мои мысли, справа ко мне подъехала Ирина.

— Все в порядке с экскурсантами? — спросил я.

Забрала шлемов были у всех подняты — ночь, и светофильтры ни к чему, да и радиационный фон ниже дневного. Я мог видеть ее красивые глаза. Она бросила на меня короткий взгляд.

— Да, все нормально, — ответила, — скажите, а почему вас называют «Странный»?

— Погоняло такое, — задумчиво ответил я.

— Что, простите? — переспросила она.

— Просто я очень странный, — с усмешкой ответил я, — иногда и сам себя не понимаю.

— А мне кажется, что вы абсолютно нормальный человек. — Она пожала плечами.

— Нормальный человек не станет Охотником, — произнес я медленно. — И уж конечно не попрется на эту кучу песка и камней в восьми месяцах лету от Земли со второй космической скоростью.

Я внимательно поглядел ей в глаза: только что я и ее причислил к лику ненормальных, но она либо не обратила внимания, либо просто не хотела спорить.

— А имя у вас есть? — вновь спросила Ирина.

— А вам зачем? — удивился я.

— Просто мне удобнее называть человека по имени.

Что-то было в ее словах такое, что мне показалось, будто я на Земле и не улетал никуда вовсе. Даже беспокойство куда-то на миг исчезло.

— Дэн меня зовут, — проговорил я быстро, словно мне было неловко оттого, что у меня тоже есть имя.

— Очень приятно, — ответила она ровным голосом.

Зря сказал. Эти официозные формулы приемлемы на светских раутах, а у нас сильно не та ситуация. Рядом с Ириной я всегда ощущал какую-то абсурдность происходящего. Взять хотя бы ее манеру говорить: она произносила слова почти без интонаций, тихо, но твердо. И только в мельчайших отзвуках ее голоса можно было уловить намек на некие эмоции — странно, но я почему-то их воспринимал, как будто она вела параллельную передачу на других волнах.

И тут я вновь почувствовал постороннюю «волну»: опять непонятный внешний раздражитель... Фобос... Бред какой-то...

Тихо шуршат по песку тяжелые копыта дромадеров, шелест ветра в бархане, тихое журчание голоса гида, шепотом переговариваются туристы... Шур-шур-шур... Шур-шур-шур... ритмичное шуршание... Откуда оно взялось? Оно не такое, как остальные звуки... искусственное... синтетическое... Это чужое шуршание! Я стал нервно озираться по сторонам — шуршало ВСЕ! Засосало под ложечкой, пульс участился, а в нижнюю часть затылка впились сотни мелких иголок. Мне показалось, что я слышу какие-то голоса: это клеенчатые пауки вздымаются и опускаются на своих плоских клеенчатых лапках и что-то бормочут! Я сжал в руках рукоять своего автомата и передернул затвор — этого звука в тиши марсианской пустыни было достаточно, чтобы все в смене остановились. Больше всего на свете мне хотелось сейчас остаться одному и проблеваться на эти треклятые пески! Внезапно я все понял! В глазах потемнело, но я отчетливо разглядел в ночном небе светящийся сиреневым цветом по периметру огромный треугольник. В его центре сиял розовый луч, который упирался в пески бархана, оставляя на

них кроваво-красное пятно! Оно медленно ползло к нам! Ко мне!

Словно в ночном кошмаре я тронул шпорами своего дромадера и проехал пару шагов вперед... Ирина! Луч не должен попасть в нее первую! Я перегородил собой тропу и, бросив бесполезный автомат, вцепился в гриву своего верблюда до онемения в пальцах!.. Дромадера трясло так же, как и меня...

Медленно, будто специально, проекция луча подползала все ближе и ближе, а я пытался взять себя в руки и изо всех сил вцепился зубами в капюшон своего экстрим-комбеза... В глаза ударил яркий свет... запахло озоном... а я провалился в бесконечную черную яму, засыпая на лету...

Я парил над огромной красной долиной... Пески приятно ребрились мелким узором, будто застывшие волны. Среди ландшафта огромным вздыбившимся каменным пузырем выделялся потухший вулкан Олимп, с зияющей бездонной пропастью жерла в центре. На верхней его площадке, рядом с провалом в недра, стояло огромное, чуть вогнутое зеркало, тускло-красноватого оттенка. Внутри него шевелились какие-то тени. Я подлетел поближе и примостился на каменной глыбе, заменявшей ему подставку.

Вдруг изображение в зеркале сфокусировалось, и возник поясной портрет бородатого мужчины с косматыми бровями и обернутого простыней...

— Ты? — спросил он меня грозным голосом, несущимся над вулканом раскатистым эхом.

— Я, — ответил я.

Он мрачно кивнул:

— Ну и зачем ты приперся сюда, ко мне на Олимп?

— Понимаешь, старик, — я глубоко затянулся сигаретой, — мы ведем группу туристов...

— Дионис, — он сурово нахмурился, — ты мне зубы-то не заговаривай! Это ведь ты науськал Гефеста, чтобы тот подпоил твоим зельем Прометея, и тот полез в наш плазменный генератор?!

— Да это все какие-то домыслы! — не выдержал я. — Сто лет мне не нужен был ваш плазменный генератор!

— Сто лет не был нужен, а сейчас понадобился, — подозрительно прищурился старец. — Ты всегда был слишком

любопытен — за это я тебя и любил. — Он неожиданно смягчился. — Ты проживаешь много жизней, как и подобает тебе! Люди — твои игрушки, а ты — игрушка людей... Гея, то есть Пангея... Помнишь, как все начиналось?

— Нет, — произнес я медленно, сам удивляясь своему голосу, — не помню...

— А ты поищи, поройся в памяти — все на месте...

— Где? Я хотел бы просто вспомнить...

— Скажу тебе по секрету: ты не там ищешь...

— А где надо? — удивился я.

— Иногда, — он лукаво прищурился, — то, что мы ищем, находится совсем не там, где мы ищем.

— А как мне это понять?

— Ты чувствителен, мой сын, — ты многое знаешь в душе своей, твоя мать... — Он мечтательно сощурился. — В общем, я возлагаю на тебя большие надежды... Помнишь, когда ты был маленький, бабушка и мама читали тебе сказки, а ты слушал. Внимательно слушал... Слушал голос своего «я»... Вот и сейчас... Слушай... слушай... слушай... Ты слышишь? Ты меня слышишь? Ты слышишь меня?! Ты? Что-то шуршит... Может, надо немного аммиака? С ним точно все в порядке? Успокойтесь, дамочка, он не помер — реакция зрачков в норме... Он же закрыл вас! Сделайте хоть что-нибудь! Сибилла, уведи ее подальше... Приятное шуршание... Слышишь?.. Это просто глюк, все в порядке... Вы что, глюков никогда не видели? Станный! Ты слышишь меня?!

Мне показалось, что кто-то трогает меня за лицо...

Кажется, я помню людей, которые говорят со мной...

Ирина?

Я дал себе команду сделать свет — веки, словно налитые свинцом, поднялись, и я увидел искаженное лицо Йоргена с занесенной наотмашь ладонью.

— Йорген, ты что, охренел меня так лупить? — заплетающимся языком промямлил я.

— Все в порядке, — крикнул Йорген, — очухался!

Я лежал на песке, и тело мое сотрясилось от дрожи!

— С туристами все в порядке? — Слова будто выговаривал за меня чей-то чужой рот, но в голове постепенно прояснялось.

— Все нормально, Дэн, — услышал я напряженный женский голос откуда-то сверху. — Как вы?

— Кажется, я упал с верблюда, — ответил я. — Глюк прошел?

— Странный. — Я увидел над собой невозмутимое лицо Сибиллы. — Все нормально — ты правда упал с верблюда. А глюка больше нет!

Я почувствовал болевое ощущение в районе локтевого сгиба правой руки.

— Потерпи, Странный, — сказала Сибилла ласково, — это сейчас пройдет. Немного нейролептиков...

Я приподнялся на локтях и сел.

— Ну что? — спросил Йорген. — Сможешь ехать?

Я потряс головой и фыркнул:

— Наверное...

— Почему мы едем по этой страшной пустыне ночью? — Этот тонкий голос принадлежал средних лет туристке из Японии — не уверен, что я верно произнесу, но, кажется, ее звали Аюми Сокато.

— Днем еще хуже в этих местах. — Сибилла убрала аптечный контейнер в свой рюкзак. — Ночью меньше радиации, и глюки видно за версту...

— Да... — протянул Йорген, — этого мы чуть не пропустили... Это как в долине Касей, помнишь, Сибилла? Там было четыре таких треугольника — один в центре и три по краям, только светились они красным и пульсировали еще вот так, — Йорген ритмично поводил ладонями, демонстрируя как.

Я еще чувствовал легкую слабость — Сибилла помогла мне вскарабкаться в седло моего дромадера. Вот ему-то, казалось, вообще на все аномалии плевать — жует свои губы как ни в чем не бывало, а полчаса назад нас колотило с ним вместе как отбойным молотом.

— Поехали. — Я вяло махнул рукой и тронул поводья.

Ко мне подъехала Ирина. Ее глаза были испуганны и встревоженны одновременно:

— Мы страшно за вас перепугались, Дэн. Все в порядке?

Я вспомнил ее звенящий от напряжения голос, готовый сорваться на истерический крик... Это было, когда я прихо-

дил в себя... Мне захотелось внезапно обнять ее, прижать к себе и погладить по голове, но я сдержался.

— Если кто за меня и переживал, — сказал я с ухмылкой, искренне надеясь быть похожим на старинного артиста Харрисона Форда, — так только не та парочка. — Я кивнул в сторону Йоргена с Сибиллой.

— Перестаньте разыгрывать из себя ковбоя! — Глаза Ирины послали в меня довольно чувствительный статический разряд. — Вы думаете, я дуручка и не знаю, что контакты с аномалиями, как вы говорите — «глюками», частенько имеют летальный исход? Ведь все знают, что это одна из серьезных причин, по которой провалился проект «Терра-3» и фактически колонизация планеты вообще.

Она была, конечно, права — можно с уверенностью заявить: колонизация планеты Марс ПРОВАЛЕНА! Люди слили всухую! Это на Земле любую аномалию можно назвать НЛО и положить все в мусорный контейнер или списать на секретные эксперименты военных, а на Марсе такая «страусиная политика» не прокатилась. То, что стало происходить здесь после второго этапа колонизации, язык не поворачивался назвать «тарелками пришельцев», просто Земле пришлось признать, что мы не знаем об этом ничего, и даже как подступиться близко к решению этой проблемы, нам невдомек. Управляемые природные явления? Кем управляемые? Аномалии неизвестных законов физики? А какова их природа? А вообще что это? Все эти светящиеся шары, пульсирующие треугольники, цепочки огней, жесткие электромагнитные лучи, существующие так, безо всяких видимых причин? Но причины ведь должны где-то быть! Раньше мы смотрели на это в телескопы, теперь мы смогли это «пощупать», но и только.

Когда по телику говорят, что «мировая наука считает» или «современной наукой доказано» — мне смешно: Марс показал, что не существует никакой «мировой науки». Все усилия ученых разрозненны, несогласованны и непродуктивны. При столкновении с неведомым мы показали свое бессилие как расы: политика, деньги, предрассудки и косность. Возврат в темное Средневековье, с его алхимией и «тайными» знаниями.

Конечно, какая-то часть этих аномалий, безусловно, яв-

лялась природными явлениями, так называемыми плазмоидами¹ — но и они были изучены весьма поверхностно. Да и марсианские аномалии имели зачастую довольно сложную модель как формы, так и «поведения». Бывало, подобные плазмоиды выстраивались в геометрически правильный порядок, совершали четкие маневры...

Климатические перемены, связанные с увеличением солнечной активности, повлекшие за собой ряд крупных катастроф в начале двадцать первого века (названные впоследствии Великим Переломом), создали невыносимые условия для жизни во многих уголках земного шара. Несмотря на сокращение населения планеты, места, в которых климат и природа были кое-как пригодны к существованию, были перенаселены. Вот тогда-то «марсианская программа» получила свою актуальность, и ею попытались заняться всерьез.

Рывок землян в попытке освоить ближайшую мало-мальски пригодную для жизни планету напоминал попытку пьяного ныряльщика, который надеется, что в подводной пещере найдутся воздушные карманы, чтобы выдохнуть и вдохнуть заново, — карманы нашлись, да только воздух в них оказался другим.

А потом получилась инсценировка «стандартного земного кошмара» чисто по Роберту Шекли: хотите мутантов? Вырастим сами! Боятесь зомби и упырей? А вот на Марсе под воздействием радиации и миллиона неучтенных факторов появляются, как из дешевых кинофильмов, одичавшие в попытках выжить на этой непригодной для жизни планете странные люди, наделенные странными способностями, дикие, сумасшедшие, потерявшие человеческий облик, с гипертрофированными животными инстинктами. Звери мутируют и приспособляются быстрее человека — взглянем, к примеру, на церберов — бродячих марсианских собак. И это не единственный пример — вот юварки, допус-

¹ Плазмоид — некий сгусток, ограниченная конфигурация магнитных полей и плазмы. Плазмоидные образования вблизи поверхности Земли образуются преимущественно над газвыделяющими структурами и тектоническими разломами. Размеры плазмоидов колеблются от 3–5 см до 100 и более метров. Образование плазмоидов происходит по модели шаровой молнии, согласно которой плазменную фазу удерживает тонкая молекулярно-кристаллическая оболочка, состоящая из электрически заряженных кластеров «скрытой» фазы воды.

тим, вообще непонятно кто: поговаривают, что неудавшийся биологический эксперимент генетиков.

Мы все сделали по Фрейду — сами реализовали свои кошмары так, что они стали явью. Взять хотя бы этих паладинов — очумевшие выродившиеся остатки сынов Земли, гордо носившие когда-то имя «Космический Десант»! Они продолжают делать вид, что поддерживают некий порядок, не брезгуя при этом грабежами, мародерством, да и убийствами иногда. Они уже давно превратились в самодостаточную прослойку марсианского «общества», цель у которой одна — банально выжить. Любым способом. Они считают Охотников отморозками, а Охотники — их. И все их преимущество перед нами — это армейское лазерное оружие, которое на Марсе наперечет, да и непонятно, как они достают для него энергию. Охотники типа нас — вольные, эдакие тусовщики, живущие по принципу «ты — мне, я — тебе». Есть и психи среди них, конечно. И это еще, можно сказать, «сливки общества».

Я не думаю, что на Земле ничего не знают, — знают, конечно. Просто колонизация не принесла прибыли, да еще вдобавок и проблем подкинула, поэтому про нее забыли, как про запертого в чулане дурачка, бремя всей семьи. Марс теперь обслуживают «частники» — различные корпорации по проведению экстремальных путешествий и туризма. «Хотите вырваться из серой и обыденной жизни, полной проблем? Дикая земля Марса ждет вас! Вдохните полной грудью вашу Новую Марсианскую Жизнь! Фантастика вчера — Реальность сегодня!»

И самое смешное, что идиоты, готовые платить умопомрачительные бабки за добровольное самоубийство, прут сюда пачками! Приезжают тысячами, сотни выживают — и лишь немногие возвращаются обратно с мыслями забыть о своей «Новой Марсианской Жизни» на всю жизнь. Некоторые остаются, чтобы пополнить ряды отчаянных сумасшедших на никем не контролируемой планете (которая формально принадлежит Странам Мирового Содружества).

Люди посчитали, что напустить парниковых газов и растопить марсианские льды с целью наделать из воды кислорода — вполне достаточно для того, чтобы все получилось само собой.

Теперь марсианская колония выглядела как разрозненные и относительно обособленные города, лагеря и поселки, сосредоточенные в районе экватора и низких широт и зон с повышенной гравитацией. Это районы с сильными магнитными полями с напряженностями порядка 0,2–0,3 гаусса¹, то есть сравнимыми по величине с напряженностью земного магнитного поля. Они представляют собой полосы, простирающиеся с запада на восток. Их ширина с севера на юг достигает около тысячи километров.

Возникали в таких областях поселения вокруг добывающих заводов или станций энергоснабжения, или других подобных «животворных источников». Формально местное самоуправление осуществлялось Советом Четырех Городов, который пытался создать хотя бы видимость какого-то контроля и выдавал лицензии Охотникам. Это были крупные поселения — Арена Геркулеса, Лихоторо-Сити, Новые Афины и Маринер-Сити. Правда, далеко не все Охотники приобретали какие-то там лицензии. Существовала вялая меновая торговля, клановая система узких социальных групп и борьба за ресурсы и выгодные земли. Вот так: откат к дикому Средневековью.

Я, может, один из немногих добровольных колонистов — я знал, на что иду. Ошибся только в одном: что я смогу здесь в чем-то разобраться. Не вышло...

— Простите, что заставил вас волноваться, — сказал я Ирине с легким поклоном, — но мое поведение не продиктовано чистым позерством. Скорее, наоборот.

— Что вы имеете в виду? — Вспышка эмоций прошла так же внезапно, как и возникла.

— Вы спрашивали, почему меня называют «Странный»?

— Да, но вы мне ничего вразумительного не ответили.

— Не знаю, как это объяснить... — Я замялся, подбирая слова, что было для меня большой редкостью. — Я не боюсь аномалий... я умею их как бы... чувствовать... Как это происходит и что это такое — я и сам не очень понимаю... Это что-то вроде контакта, если это слово вообще можно применить в данном случае.

— Надо же! — воскликнула Ирина, но тут же овладела со-

¹ Гаусс — единица измерения магнитной индукции в системе СГС. Названа в честь немецкого физика и математика Карла Фридриха Гаусса.

бой и продолжила: — Так это я о вас так много слышала во время инструктажа — «старики» рассказывали...

Я не выдержал и рассмеялся:

— Прямо такие седые старцы, с гусями, пели про меня баллады?

Как ни странно, она даже не обиделась, и я заметил, что она улыбнулась кончиками губ, которых не скрывала свободно висящая кислородная маска:

— У гидов тоже свое арго: «старики» — это гиды, у которых было больше пяти посадок.

— Я не понимаю, — не выдержал я, — вас-то, умную, красивую и хрупкую девушку, вас-то на кой ляд сюда понесло? Вы же действительно напоминаете музейного экскурсовода — простите, но это так.

Я ожидал отчуждения и обиды, но она, как всегда, повела себя неожиданно (пора уже было привыкнуть).

— За «красивую» — спасибо, — она задумчиво и немного отстраненно поглядела куда-то вдаль, — а вообще... я здесь себя как-то хорошо чувствую. На своем месте, что ли? У вас ведь тоже был наверняка шанс распрощаться с этой планетой, и вы им не воспользовались, не так ли?

Я промолчал — слишком она понимает много... что-то в нас есть неуловимо сходное, но что? Это как контакты с глюками...

— Так, и что там ваши деды рассказывали? — перевел я тему беседы на более интересный объект, то есть на себя.

— «Старики» говорили, что есть один такой Охотник, который, дескать, контактирует с аномалиями, управляет ими даже, и встретить его — большая удача, потому что любую группу проводит по Марсу, как по ботаническому саду. Но я не верила — а это, оказывается, вы.

— Слухи, сплетни и домыслы. — Я почему-то почувствовал некую неловкость, словно меня уличили в чем-то постыдном. — Мне иногда кажется, что в голове я слышу тысячи голосов, воспоминаний, мыслей — человеческих или не совсем... Это как галлюцинации, сны... Мой «контакт» с аномалиями имеет непонятную мне самому природу, а уж до управления ими я не дошел даже близко. Просто я понял, что их нельзя бояться, — тогда не произойдет ничего плохого. Мне кажется иногда, что глюки в какой-то степени «чув-

ствуют» человека, и их воздействие является как бы отражением эмоционального фона, сверхэмпатией, что ли... Жаль, конечно, что нельзя расспросить об этом мертвых...

— Вы какой-то мрачный. — Она совершенно по-женски надулась, как обыкновенная девочка, которой просто хочется внимания.

Я уже стал привыкать к тому, что я ее не угадаю никогда. Кто она? Взбалмошная девчонка? Закомплексованная феминистка? Женщина-боец, как Сибилла? Или сложный человек в поисках простого счастья? А может быть, и никто из перечисленного...

— Да и вообще, — продолжил я, — очень сомневаюсь, что я такой один на всем Марсе. Вам, наверное, про кого-нибудь другого рассказывали...

— Да нет. — Она как-то странно посмотрела на меня. — Не думаю...

— А-а-а-а!!! А-а-а-а-а-а!!!

Ирина вздрогнула — крик раздался слишком внезапно и близко. Я машинально передернул затвор автомата и взгляделся в фиолетовый мрак бархана.

— Гасим фонари! — раздалась приглушенная команда Йоргена.

Мы за разговорами почти перевалили через гребень. Чуть поодаль, в паре километров внизу, чернели полузасыпанные песком корпуса стандартного марсианского ГРП (геолого-разведочный поселок). Его очертания легко узнавались по центральной буровой башне и двум «долькам» зданий, окружавших ее. Когда-то давно это были «опорные пункты» марсианской колонизации, позволяющие обеспечивать сырьем первые поселения. На полпути к поселку врывается в песок своим бронированным килем ГРВ «Марс-5» — вездеход, сделанный на базе армейского бэтээра, ошетилившийся солнечными батареями, портативной буровой установкой и легкими пулеметами, которые давно проржавели. От него по направлению к нам бежала одинокая фигура в драном антирадиационном комбезе. Без шлема, но в респираторе, всклокоченная грязная шевелюра волос, давно потерявших свой цвет, — еще один больной мозг, выпитый этой планетой в гонке на выживаемость.

— Отставить тревогу! — крикнул я. — Это геолог.

Геологами называли всех людей, которые водились (по-другому и не скажешь) возле различных заброшенных марсианских строений научно-производственного характера. Выглядели они примерно одинаково и напугать могли разве что туристов своими дикими выкриками и бессвязными речами. Контакт с ними был абсолютно бесполезен. Некоторые отморозки их отстреливали — ради развлечения или из жалости.

— Так! — зычно крикнул я, стянув ненадолго кислородную маску. — Приказ по группе: геологов не дразнить и не кормить! А то еще увяжут за нами...

— Весть! Весть Благоую несу вам, паломники! — услышали мы первые членораздельные слова геолога. — Я видел! Я ВИДЕЛ ИХ! ОНИ ЗДЕСЬ!

Он лепетал, искажая то, что состояло из смеси русских, английских и испанских слов и, собственно, являлось марсианским сленгом, на котором говорило на Марсе большинство колонистов. Его никто специально не выдумывал: он сложился сам собой и имел даже некоторые диалекты и наречия. Этот сленг все изучали перед полетом сюда. Его использовали даже туристы, хотя иногда они переходили на родные языки, и чаще всего их мог понять почти любой. Называлось все это — имперо.

— Кто «они», папаша? — спросил Йорген.

— ОНИ!!! — с благоговейной дрожью в голосе произнес геолог. — ПРИЩЕЛЬЦЫ! Я — первый контактер! Они — БОГИ! Они повелели принести мне Весть Благоую ЛЮДЯМ! Они — ЕСТЬ ВСЕ! Они — СУТЬ ВСЕГО! Они покарают людей за их гордыню, подобно тому как покарали Икара, сына Дедала, коий построил ужасный лабиринт Миносу, владыке Критскому!

— Че-то я такое где-то слышал, — отозвался Йорген, который почувствовал себя центром внимания и начал идиотничать. — А в чем заключается Весть-то твоя Благая?

— Грядет Эпоха Счастья и Гармонии! ОНИ все ведают о грехах всех людей, что вышли плодом неудачного биологического эксперимента! Но любят они чад своих неразумных, и спасут они их!

— А ты точно их видел? — не унимался Йорген.

— Да! Они приходят ко мне часто! Вы можете сами ИХ увидеть! Три сола назад...

— Мы серьезные люди и очень торопимся, — Йорген явно вошел во вкус, — но ты, как мессия, можешь попросить их для нас?

— Конечно! Я буду молиться за вас, добрые путники! Чего вы хотели?

— Нам бы парочку бластеров армейского образца, пару атомных батареек и АКМ с бесконечным магазином...

— Йорген! Е-мое! — не вытерпел я. — Был же приказ «не дразнить геологов»! Ну что непонятно?!

— Отвянь, Странный, — огрызнулся тот, — я, может, уверовать хочу в инопланетянинов!

— Йорген, твою мать! Ты Охотник, а не клоун! Перестань!

Но меня уже никто не слушал... Туристы послазили со своих дромадеров, стали кучкой вокруг геолога, наперебой предлагали ему свои сухпайки и начали с ним фотографироваться на фоне поселка его обитания. Крис Паттерсон пытался выяснить, как называется его религия и какие обряды в ней приняты, а главное — нет ли ритуальных человеческих жертвоприношений и нельзя ли это снять на видео.

Мы с Ириной растерянно смотрели друг на друга и глупо улыбались — мы сейчас были лишними для всех, и это нас объединяло.

— Нет, ну ты посмотри на них, а? — Я не мог сдержаться усмешки на своей физиономии. — А говорят, Охотники Марса — суровые люди! Любимая женщина для них — автомат, подковы гнут усилием воли, супермены пустынь и плоскогорий! Мать их разэдак! А ведут себя как дети, честное слово. Я извиняюсь, Ирина, за поведение своих людей...

— Да ладно, — она, рассмеявшись, махнула рукой, — мой-то еще хуже: как в зоопарке... особенно этот... Паттерсон. Я его, честно говоря, на дух не переношу — полный имбецил!

— Мне он тоже не очень, — признался я. — Американец?

— Скорей всего. — Ирина покачала головой.

Я поднял ствол автомата вверх и нажал на спусковой крючок. Бахнул одиночный выстрел. Эффект был предсказуем — все вздрогнули.

— Встречу с дружественными аборигенами из племени Геологов объявляю закрытой! — крикнул я. — Настает минута прощаний и слез!

— Очень жаль! — сказал действительно растроганный итальянец Джованни Муррей. — А я хотел...

Тут взгляд геолога уперся в меня.

— Вам повезло, путники! — воскликнул он, тыча в меня пальцем. — Вас ведет за собой Воин Света! Он — Избранный! От его автомата исходит священное сияние предков! Я вижу его Путь! Он приведет вас к Зеркалу! В Зеркале есть все! Там хранятся КЛЮЧИ! Следуйте за ним и за этой женщиной! Она отражается в нем, а он в ней! В них есмь Начало!

— Да-да, — подтвердил я, — и мы еще поженимся, и у нас будет тройня, и мы завоюем Вселенную! По коням, граждане отдыхающие, — поезд отправляется!

Боковым зрением я заметил темное пятно, напоминающее Черную Дыру, — это были глаза Ирины, в которых неожиданно сконцентрировалась вся марсианская ночь.

— Что-то не так? — спросил я.

— Вы иногда бываете не менее циничны, чем ваши люди, — кинула она небрежно и, дав шпоры своему дромедеру, поехала вперед.

Мысленно назвав себя кретином в кубе, я рванул за ней и только на полдороге спохватился: стоп! Это что же получается? Первые разборки у сладкой парочки? Нет, так не годится. Здесь не институт благородных девиц. Я — веду группу... От меня все зависит... я — за всех отвечаю! Я — я!!! Один я везде! Оставалась бы на своей кафедре! Сидела бы в своих архивах, если такая нежная!

И все равно внутри было как-то неприятно... только-только мы, кажется, начали понимать друг друга...

Тихо и без особых происшествий продолжался наш путь. Взошла вторая луна — Деймос, то есть «ужас», но ужаса я никакого не чувствовал. Мерно покачивались дромедеры, Йорген негромко включил через внешние динамики какой-то свой сборник «Deep Purple», а Сибилла требовала поставить Мерлина Мэнсона. Йорген пытался доказать ей, что ее «Мэнсон полное дерьмо по сравнению с настоящим хард-роком», а Сибилла в сотый раз называла его «ретрогра-

дом, безвозвратно ставшим на якорь прадедушкиных ценностей». А когда их культурологический спор переключался на транс и рэйв — культуру и ее значение в революции синтетических наркотиков, — мой канал восприятия просто отключался. Туристы негромко переговаривались, тихо смеялись, а над гигантскими гребнями барханов раздавался то-скливый вой церберов, которые, подобно своим земным предкам, не оставляли луны без внимания, тем более что их тут целых две! Где-то очень далеко эхом отдавались одиночные выстрелы, но, зная, как в барханах передаются звуки, можно было предположить, что это за много километров отсюда.

Я сдвинул вбок кислородную маску и закурил сигарету, периодически прикладываясь к заветной фляге и борясь с острым желанием подъехать к Ирине и попросить прощения (я иногда действительно совсем себя не понимаю). Ирина ехала на корпус впереди и казалась совершенно отчужденной, а я делал ставки сам на себя — сколько я выдержу без общения: дорога длинная. Расчетная точка нашего прибытия была, по моим подсчетам, еще в пяти стандартных часах нашего маршрута. Это старый горнодобывающий автономный мини-завод, уже давно заброшенный и разграбленный, но с уцелевшим бытовым сектором и сносно работающим реактором. Он стоял на границе песков и каменистой равнины, переходящей в многокилометровое плоскогорье, тянущееся далеко на север.

Я проиграл сам себе сто пятьдесят эргов¹ и с чистой совестью проигравшего подъехал поближе к Ирине.

— А вы знаете, что по инструкции гид должен следовать вторым, за лидером смены? — спросил я.

Ирина промолчала: она что-то записывала в свой электронный планшет.

— Вы на меня сердитесь? — вновь спросил я, напоминая самому себе kota, трущегося о ноги хозяина.

— Нет, не сержусь, — ровным голосом ответила она.

— А можно узнать, что вы там записываете? — Я уже тихо ненавидел себя за то, что вообще заговорил с ней.

— Да... так... личные заметки... — Она отвернула планшет

¹ Валютой на Марсе является энергетический эквивалент стандартного об-разца атомной батареи. 1 эрг равен 100 килоджоулям.

так, чтобы я не мог ничего на нем прочесть. Но я успел уловить пару слов: «...аномалия № 42. Форма — треугольник...»

— Вы пишете о глюках? — удивился я.

Она резко повернула голову в мою сторону, смерила меня взглядом — скорее оценивающим, нежели гневным.

— Да, — наконец ответила она, — я веду классификацию аномалий, виденных мною лично.

— Это у вас задание такое? — спросил я как можно непринужденней.

— Почему? — искренне удивилась она. — Я интересуюсь Марсом, мне нравится эта планета, и я хочу здесь многое понять. Может, эти заметки пригодятся кому-нибудь, даже если это буду и я.

— И как вы классифицировали сегодняшний глюк? — спросил я не без иронии.

— Пожиратель Избранных Воинов Света, — ответила она, хищно улыбнувшись.

У меня было ощущение, что я получил в солнечное сплетение.

— Ладно, — я как-то очень комедийно хрюкнул, — один-один.

И она УЛЫБНУЛАСЬ! Я купался в лучах этой улыбки, как идиот, которому подарили новый фантик! Боже — я определенно себе не нравился. Я стал социально опасен!

— А скажите мне, — спросила Ирина, — про какое «зеркало» бредил этот безумный геолог? Ну, помните? Он сказал, что в зеркале есть все, какие-то ключи, и что вы нас туда ведете.

— Это такая старая марсианская байка, — ответил я, затягиваясь сигаретой, — про то, как когда-то, очень давно, при Первой Волне колонизации, когда на Земле бушевали ураганы и жарило солнце, а на Марсе не было вообще ни хрена, даже такой жиденькой кислородной атмосферки, одна из первых экспедиций на Марс была целиком военной и до потери пульса секретной. Она-то и заложила первую Марсианскую базу под видом установки подпочвенного сканера пород. Сделана она была суперкруто — по технологиям, опережающим свое время на добрую сотню лет. Проект назывался «Зеркало-13», почему — никто не знает. И говорят, эта база до сих пор существует и в состоянии привести

в действие какие-то секретнейшие устройства, которые могут сделать жизнь на Марсе земным раем, но без приказа — ни-ни. И вообще они в курсе всего, что тут происходит, могут они все, и инопланетяне у них в корешах числятся. Во как! Но месторасположение ее сверхзасекречено, десятью степенями высшей секретности, потому что... мало ли что... Ищут ее уже третье поколение колонистов, да не могут сыскать! В общем, бред отчаявшихся, своеобразный эквивалент местной религии... А вы разве не слышали? Или деды вам только обо мне рассказывали?

— Очень любопытно, — пробормотала Ирина, что-то быстро набивая на планшете.

И вновь повисла пауза — несколько напряженная, но ни к чему не обязывающая...

Клекот я услышал, но сильно не напрягся: максимум, на что способен марсианский гриф, именуемый в народе «гарпия», — это сбить с седла. Они вообще редко нападают на людей, только с большой голодухи. Покалечить могут того, кто без шлема, но шлем, по инструкции, снимать можно только в бытовых блоках. Грифов завезли на Марс в качестве детритофагов¹, в надежде воссоздать экологическую земную цепочку. Ну тому гению, кто их выпустил полетать и освоиться, я бы в глаза посмотрел, со значением... В общем, я уже отчетливо слышал свист перьев и легкое повизгивание и был готов наклонить голову сантиметров на двадцать, а он бы и промахнулся. Ирина слегка отстала, так что гарпия ее и не задела бы. Но пока нагибался, я успел заметить расширившиеся от ужаса глаза Ирины и ее молниеносное движение к бедру, потом — яркую вспышку, и, не пригнись я пониже, меня снесло бы огромным кровоточащим куском птичьего тела. Запахло паленым мясом, и по моей спине потекла свежая горячая кровь грифа-мутанта, а на песок рядом шлепнулась отличная дымящаяся деталь цыпленка-табака. Кто-то вскрикнул. И — тишина...

Я, не вынимая изо рта сигареты, забрызганной кровью, надо полагать, вместе с моей физиономией, медленно поднял голову и посмотрел на Ирину очень внимательно. Она застыла, как статуя, сжимая в правой руке небольшой чер-

¹ Детритофаги — организмы, разрушающие остатки мертвых растений и животных.

ный продолговатый предмет, бугрящийся блестящими трубками.

Я выдохнул дым, ставший тошнотворно сладковатым, и медленно спросил:

— Милая дама, откуда у вас это оружие?

Ирина тряхнула головой и немного растерянно произнесла:

— Между прочим, я спасла вам жизнь — могли бы сказать «спасибо».

Я посмотрел через всю смену на Йоргена, который делал мне глазами какие-то страшные знаки. Я лишний раз убедился, что не ошибся в своем открытии.

— Спасибо, — сказал я с легким поклоном, — огромное спасибо вам, милая дама, но моей жизни ничто не угрожало. Вы испугались сами.

— Я защищала жизнь лидера смены! — обиженно и с вызовом выкрикнула она, еще не придя в себя от шока.

— Хорошо, — холодно произнес я, — тогда потрудитесь мне ответить: с каких это пор гидов комплектуют портативными бластерами системы «сталкер», принятыми в штатное оружие спецподразделений армейской разведки? Минута на размышление. Время пошло.

— Это... мм... — Было видно, что она с трудом подбирает слова. — Это мне подарил один человек...

— Ответ неправильный. — Я начинал злиться, а этого надо было любой ценой избежать. — Такого оружия не дарят — оно еще недавно было полностью секретным. Я знаю, Ирина.

Туристы с любопытством наблюдали за всей этой сценкой, и я понял, что повел себя в корне неверно: этот инцидент надо было замять и выяснить все с нею с глазу на глаз. Но уже поздно, да и не успел я сориентироваться от неожиданности. Черт! Миллион чертей Марса мне в зад! Надо выкручиваться!

— Ох, простите... я немного психанул от этой ситуации, — сказал я мрачно, потеряв ладонью свой лоб, — прошу меня извинить, Ирина, вы действовали строго по инструкции, и вы совершенно правы... Извините меня...

Все вроде успокоились, хотя продолжили озираться по сторонам, изучая в основном небо. А у меня ходили ходуном

виски, и марсианская твердь провалилась из-под ног — Ирина вновь рванула своего дромадера вперед, но я успел заметить: ОНА ПЛАЧЕТ!

Некоторое время я обтирал лицо влажными салфетками с антисептиком из аптечного контейнера, потом закурил трясушимися руками новую сигарету и сделал приличный глоток из фляги, но дрожь не унималась. Мне опять захотелось обнять Ирину и успокоить, но теперь у меня появилась к ней настороженность, и она, эта настороженность, доводила меня до истерики, так что я сам был готов расплакаться — или кого-нибудь пристрелить. Чертов бластер! Откуда он у НЕЕ?! Кто она такая, черт дери?! Зачем она классифицирует глюки?! Почему она интересовалась этим бредом про «Зеркало-13»? Паладины тоже были с ними очень подозрительно вежливы! Она второй раз на Марсе? Да хоть режь меня — я в это не верю! Первый! Первый здесь она раз!

Я стиснул нервы в кулак и дал шпоры.

— Нам с вами нужно поговорить. — Голос мой немного дрожал, когда я догнал ее.

Она всхлипнула:

— Оставьте меня в покое — нам не о чем с вами разговаривать...

— А поговорить придется, — настаивал я.

— Отстаньте от меня! — гневно воскликнула Ирина. — Не трогайте меня, пожалуйста!

Мысли медленно приходили в порядок. Да... это было искреннее горе — так сыграть под силу только суперагенту, который в минуту опасности никогда бы не раскрыл себя такой нелепой выходкой. Я обидел женщину, которая защищала меня от, как ей казалось, неминуемой смерти. Я должен все исправить, я должен во всем разобраться!

Я обернулся назад и увидел, что скучающая публика уже обо всем забыла, восприняв, видно, все происшедшее как интересную инсценировку «чтобнескучновпутибыло».

Я схватил Ирину ладонь и стиснул в своей — она слабо дернула рукой, но потом обмякла.

— Ирина, — сказал я искренне и как можно мягче, — простите меня, правда, простите — я абсолютно не собирался вас обижать. Я благодарен вам за ваш поступок, честно говорю! Просто поймите и вы меня: я совершенно не ожидал

такого поворота. Дорога у нас длинная и тяжелая, надеюсь, вы это понимаете, а посему нам нужно держаться друг за друга изо всех сил: мы с вами отвечаем за жизни других людей — мы партнеры, понимаете?

Она повернула ко мне свое заплаканное лицо и слабо кивнула, мое сердце встрепенулось, как загнанный дромадер: на ее лице проступили едва заметные веснушки, — но я вновь взял себя в руки:

— Очень хорошо, что вы на моей стороне, — я стремился закрепить отвоеванные позиции, — поэтому вы должны меня понять. Между нами не должно быть никаких загадок и тайн, поэтому я и спросил, немного резко, простите тысячу раз, откуда у вас это редкое, а в условиях Марса — уникальное высокотехнологичное оружие?

— Я понимаю. — Она опять всхлипнула и, как показалось мне, слегка сжала мою ладонь. Меня это слегка успокоило. — Мне действительно подарил его один человек.

Опять двадцать пять! Только мне показалось, что у меня что-то получается... Я постарался медленно сосчитать до восьми — обычно это срабатывало.

— Один человек — это имя, фамилия или должность? — устало, но вкрадчиво поинтересовался я.

— Какая вам разница, господи! — Она вновь была готова порвать меня на свастики.

— Ирина, простите, что я настаиваю, но есть, есть эта разница!

— Мой бывший муж мне его подарил... — произнесла она тихим голосом.

— Ну и вот! — Я не знал, радоваться мне или огорчаться. — А служил он в разведке? Да?

— Четвертый особый десантный спецкорпус космических войск, — ответила она усталым голосом.

— Серьезный мужчина, — присвистнул я одобрительно. — А сейчас он где?

Она посмотрела на меня с каким-то детским недоверием, как на незнакомого дядю на улице, который ни с того ни с сего предлагает маленькой девочке конфету. Она искала защиты, она хотела доверия, но что-то ее останавливало.

— Ирина, вы можете мне абсолютно доверять, — сказал

я, осмелившись положить ей руку на плечо. Она никак не отреагировала.

— Мне показалось сначала, что вы не очень серьезный человек, легковесный: вы много говорите и постоянно... ну... не знаю...

— Паясничаю? — подсказал я одно из своих достоинств.
— Да...

Казалось, она была благодарна мне за подсказку: сейчас на меня смотрела взрослая, умудренная опытом женщина, которая видит мужчину и оценивает его надежность по своей древней интуиции. Боги марсианские, я когда-нибудь смогу понять этого человека?

— Но потом я поняла, что это не так, — продолжила она.

— Мне очень приятно, что вы меня раскусили так просто, — я улыбнулся, — но вы так и не сказали мне — где сейчас ваш бывший муж?

Тень на секунду промелькнула в ее глазах. Повисла пауза. Я молчал, вопрошающе и ласково глядя ей в глаза.

— Он погиб, — сдавленным голосом произнесла она.

— Простите... — Я понял, что начинаю вязнуть в этой истории все глубже и глубже, как в экваториальных зыбучих песках. Восхождение на Олимп и так задача не из школьной программы, а тут начинает вырисовываться что-то такое, от чего, как подсказывали мне мои предчувствия, лучше держаться подальше, да вот только не получится, скорее всего...

— Мы к тому моменту уже не были вместе, — продолжила она без всяких интонаций, словно звуковая программа по распознаванию текста. — И этот бластер он мне подарил при разводе, не знаю зачем... Сказал, что с этой штукой я везде буду в безопасности, записал меня на курсы по стрелковой подготовке, через своих друзей-военных... говорил... ну, в общем, не так важно...

— Важно, — подбодрил я ее.

— Говорил, чтобы пользовалась им только в случае крайней необходимости.

Меня как током шарахнуло: защитить меня — был для нее случай крайней необходимости! Боже мой, какой я осел!

— Да-а-а... — только и смог я произнести. — Досталось вам в жизни.

— Уж, наверное, не больше, чем вам. — И опять она была другой — не могу объяснить в чем, но уже не той даже, как пять минут назад.

— А в каком он был звании, ваш муж, и при каких обстоятельствах он погиб? — осторожно поинтересовался я.

— И это важно? — Она искренне удивилась.

— Если не хотите об этом говорить — отложим на другой раз. — Я и так чувствовал себя подонком.

— Ну зачем же, если важно. Другого раза может и не быть.

— Почему вы так думаете?

— Я не люблю рассказывать о себе и своей семье. Дайте, пожалуйста, сигарету.

— Не знал, что вы курите. — Я протянул пачку местных сигарет «Красная Планета».

— Ой, это крепкие, хотя ладно, давайте. Да я и не курю — так, от нервов, вообще бросаю.

Она по-женски неловко взяла сигарету, как некий инородный предмет своего окружения, с которым надо мириться, я поднес ей зажигалку, и она прикурила, слегка закашлявшись дымом.

— По званию мой бывший был майор, а погиб он на каком-то задании, мне не говорили. — Она с шумом выдохнула затяжку и потеряла левый глаз.

Да уж, подумал я, если такой крутой парень дарит своей бывшей жене табельное оружие, учит ее стрелять, а потом гибнет, исполняя свой священный долг, — это совсем неспроста.

— А когда это случилось, вы уже работали гидом? — спросил я.

Она кинула на меня умоляющий взгляд.

— Это последний важный вопрос, — пообещал я, четко понимая, что я отъявленный лжец.

— Нет, — ответила Ирина, — я пошла работать гидом через полгода после его смерти.

— Все, больше ни слова об этом! — Я прижал руку к груди. — Простите меня еще раз за все это. Я надеюсь, что мы и вправду станем партнерами. Я пойду проверю, как там наш арьергард, и сразу вернусь!

— Хорошо, — ответила она.

Я опять задумался. Она искренна, в этом я не сомневался, но все же много недоговаривает... Пока, по крайней мере... Слишком много в этой истории странных мелочей, которые, как возмущения гравитационных полей планетарной орбиты, намекают на то, что где-то там, в темноте, скрывается какое-то другое небесное тело, которое просто не отражает света, потому и невидимо, но оно там точно есть! Чутье меня никогда не подводило, а за пять лет пребывания на более чем враждебной планете оно обострилось до предела. У меня создавалось стойкое впечатление, что вся эта чертова экскурсия — кем-то умело разыгранный фарс, а мы в нем играем каждый свою, отведенную ему роль. Эх! Добраться бы до этих сценаристов-постановщиков, мать их раззадок! С другой стороны — пока никто не доказал на сто процентов, что этот сценарий существует: ну девочка-гид, ну муж у нее работал суперменом, ну подарил, развелись, погиб. А она, чтобы развеять душевные переживания, полетела к черту на кулички, ей одиноко, я ей приглянулся, она меня спасла. Все. Простая цепь событий, имеющая простое объяснение. Глюки она коллекционирует? Так это чтобы занять свой мозг чем-нибудь, отвлечься от мрачных воспоминаний. Эффект собственной значимости, опять же туристы ее особо не занимают, хоть по отношению к ним она ведет себя очень корректно. Но прохладно так, по инструкции. А то, что «Зеркалом-13» интересовалась — так тоже со скуки.

Но в глубине души я чувствовал, что успокаиваться нельзя: пока ни один из вариантов не перевешивал. И не хотелось бы неожиданно узнать про плохое в самый неподходящий для этого момент...

— Ну, как дела у доблестных рыцарей автомата и батареек? — спросил я бодрым голосом, подъехав к Сибилле и Йоргену.

— Ты это, Ромео, ты с ней там разобрался или так, флиртуешь больше? — Йорген смотрел на меня настороженно. — Ты ее волюню особистскую заценил? Она нам даст пострелять из нее — или только тебе, за душевный разговор?

— Йорген, ты сегодня уже пару раз отличился, — процедил я сквозь зубы, — и я бы на твоём месте язык засунул себе в задницу. Улавливаешь, дружище?

— Ты смотри! На девочку его покусились! — Йорген криво ухмыльнулся. — А я, может, тоже хочу бабу из спецназа!

Я инстинктивно вскинул с плеча автомат, одновременно передернув затвор большим пальцем правой руки.

— Пока еще я командир группы, — произнес ледяным тоном, — и ты, Охотник Йорген, обязан соблюдать дисциплину и субординацию. Как понял? Прием.

— Полегче, ковбой, у Охотников нет командиров. — Йорген напрягся — он меня знал хорошо, особенно когда я говорил серьезно.

— Мальчики, не ссорьтесь из-за девочки, — с усмешкой произнесла Сибилла. Ее вздернутый курносый нос нахально торчал из-под смоляной челки. — Вообще, Странный, — продолжила она, — если пропустить слова нашего достойнейшего эсквайра через дерьмофильтр, то у меня к тебе два вопроса: первый — а она кто? И второй — а мы за тот заказ взялись, командир?

Я кивнул:

— Вопросы приняты. Значит, по первому: удалось установить, что ее бывший супруг, служивший в четвертом особом десантном спецкорпусе космических войск, действительно подарил своей жене табельный бластер системы «сталкер». Погиб при исполнении больше года назад.

Сибилла присвистнула:

— Мне бы такого мужа — я бы ему век верная была!

— По второму вопросу, скажем так, идет служебное расследование. — Йорген молчал, и меня это вдохновило. — Фактов пока мало про этот наш заказ, но одно скажу: держать всем нос по ветру. Приказ такой — спать сменами, двое обязательно на дежурстве. И поменьше трепитесь, побольше слушайте и смотрите. Ирина про этих отдыхающих сама мало в курсе. Вы за туристами приглядывайте и докладывайте о любых мелочах, хоть как-то подозрительных, Ирину я беру на себя...

— Ну понятно! — не выдержал Йорген.

Я внимательно посмотрел в его глаза, представив на секунду, что передо мной отвратительнейший из глюков. Йорген как-то сразу сник.

— Ну... я... это понятно, говорю, что делать надо. — Слова явно давались ему с трудом.

— Разумно, — одобрила Сибилла. — Договорились, Странный.

И я тронул поводья.

Длинная марсианская ночь подходила к концу — над местным эквивалентом востока небо из темно-фиолетового превращалось в сиреневое, и расплывшиеся в парниковых слоях бледные пятна звезд постепенно гасли, уступая небо звезде-хозяйке. Барханы впереди были резко и графично очерчены бордовыми тенями, словно эстампы. Это происходило из-за разреженности марсианской атмосферы, в которой свет рассеивался немного хуже, чем на Земле. С первыми лучами солнца начинали оживать индикаторы радиации, оглашая предутреннюю тишину деловитым потрескиванием. Магнитное поле Марса слабее земного примерно в восемьсот раз. Вместе с разреженной атмосферой это увеличивает количество достигающего его поверхности ионизирующего излучения, хотя, конечно, гораздо меньше, чем в период Первой Волны. В этом унылом пустынном ландшафте от индикаторного треска создавалось впечатление, что на планете тоже просыпается жизнь, — пускай чуждая и враждебная, но все-таки жизнь. Вон там над горизонтом пролетела стайка дискообразных глюков, а вон там, чуть севернее, поднялся в небо тоненький дымный выхлоп — наверное, ожили фотоэлементы какого-нибудь автоматического предприятия (не помню я по карте, чтобы там были людские поселения, да и вулканов действующих не должно быть).

Кое-где на горизонте вспыхивали зарницы магнитных бурь, которые на далекой Земле назывались полярным сиянием, а в последние годы просто ионными смерчами.

На гребнях освещенных солнцем барханов поднялись первые утренние «пылевые дьяволы» — маленькие смерчи, вызванные резким нагревом песка и воздуха первыми лучами солнца, и как следствие — локальным скачком давления. Иногда такие воронки превращались в смерчи по триста метров в высоту, и начинались многодневные песчаные бури. Это явление сезонное — просто нынешнее лето выдалось жарким по марсианским меркам, из-за того что совпало с прохождением Марса через перигелий.

Новый сол... Вообще утро всегда воскрешает какую-то надежду, как бы ни было погано накануне. Даже угрюмый и циничный Йорген непринужденно болтал с Сибиллой и, что самое удивительное, завел ради нее со своего КПК «Найн Нейч Нэйс», который та очень любила.

Йорген и Сибилла родились уже тут, и вся земная культура, включая музыкальную, была унаследована ими от их натуральных дедушек или мам и пап. То, что привезли они с собой с Земли еще тогда, в те годы. То, что происходило на Земле, сейчас все представляли смутно и по слухам — от редких новостных видеозаписей или случайных сеансов связи со станцией до рассказов вновь прибывших и их скудных культурных запасов. Так что наслаждался каждый на свой лад.

Вот так вот, оглашая пустыню маниакальными завываниями, дизельными гитарными запилами и веселым потрескиванием индикаторов, мы взобрались на последний бархан, откуда открылся величественный вид на терракотовую каменистую равнину, кое-где заветренную красновато-оранжевым песком, который красиво гармонировал с охристыми ноздреватыми скалами, у подножия которых и притулился маленький горнодобывающий завод полного цикла. Он повторял ритмику скал своими тремя трубами, торчащими на разной высоте, поблескивая в лучах восходящего солнца сетками стальных конструкций и корпусами агрегатов.

Никто точно не измерял, где кончалась граница долины Элизий — местности, изобилующей дикими обособленными кланами, — и начиналась равнина Амазония, где сохранились даже отдельные крупные города и крупные производства. К тому же мы пересекали рубежи целых трех крупных географических территорий. Южный край Амазонии, упирающийся в плоскогорье, которое тянулось далеко на юг, за экватор. Его называли в народе по-разному: кто — Лежанкой Лукаса, кто — Плоским Лукой. На картах же оно обозначалось как *Lucus Planum* — плоскогорье Луки.

Последний раз я был тут не так давно. Йорген и Сибилла покинули меня, уйдя в рейд с какими-то сомнительными типами. Я идти отказался и сидел в лагере клана Бобров. Они-то меня и взяли «погулять» в эти места. Вообще мне больше нравились эти дикие равнины, чем гористые местнос-

ти долины Маринера, хоть там и был мой клан, татуировку которого я носил на плече. Просто нам с Йоргеном и Сибиллой не сиделось на месте, и, чтобы попасть рано или поздно в Амазонию и поглядеть на крупные марсианские города, мы обошли почти всю планету по экватору, дабы не лазить по горам. А горы за долиной Маринера огромные, и их много — только через полярные широты обойдешь...

Несмотря на оставляющую желать много лучшего репутацию Элизия, я познакомился тут со многими интересными и хорошими людьми, которые, как ни странно, тут жили как раз на границе между западным и восточным полушарием... Да... когда доберемся до Олимпа — мы почти закончим нашу марсианскую кругосветную прогулку...

Мы выбивались из графика примерно на сорок стандартных минут, нужных как раз для того, чтобы преодолеть терракотовую долину, но я не волновался — на всех экстрим-комбезы, шлемы с защитными светофильтрами и электромагнитные антирадиационные генераторы, так что надо было бы еще постараться, чтобы даже больному калеке схлопотать дозу радиации, мало-мальски опасную для здоровья.

К тому же я изучил заводик через инфракрасный сканер и убедился, что, кроме двух-трех церберов, нас там никто не поджидает.

Ирина тоже, казалось, приободрилась и забыла обо всех наших ночных перипетиях. Мы с ней весело болтали, обсуждая туристов и вообще марсианскую публику — кто кого видел. А итальянец Джованни Муррей с японкой Аюми и каким-то невнятным негром, у которого из-под шлема выпирала копна пестро переплетенных косичек-раста, пытались сбачать акапелла Боба Марли, да так, что Ирине даже пришлось пару раз на них шикнуть.

Мы спустились в долину, освещенную косыми солнечными лучами, словно мощным прожектором на съемочной площадке. Иногда на Марсе меня нет-нет да и охватывало чувство абсолютной нереальности происходящего, особенно в такие моменты, как сейчас: я глядел на длинные черные тени гор, разрезающих долину пополам, и вдыхал затхло-кисловатый марсианский воздух, сдвинув кислородную маску и отбросив сигарету.

Загадочными артефактами выглядели обломки покоре-

женной техники: ГРВ, севший на обода проколотых колес, поржавевший джип «хонда» с газотурбинным двигателем. Возле запыленной бетонки, которая кольцом огибала долину и почти сливалась с ландшафтом, стояло одноэтажное здание из грубо отесанных каменных блоков с провалами узких черных окон, на стене которого было намалевано грубой малярной кистью какое-то подобие летающей тарелки, а дальше шла надпись «Ночной клуб «У Глюка». Музыка, куры-гриль, прохладительные напитки, выпивка!» Да-а-а, с фантазией тут жили ребята!

В небе парила одинокая гарпия, и, если бы не обилие красных оттенков и не неестественно отвесные скалы, можно было бы подумать, что мы на Земле, где-нибудь в мексиканских прериях века двадцатого.

Нас с Ириной нагнал итальянец Джованни Муррей.

— Красиво, правда? — обратился он к Ирине.

— Да, — просто ответила она, — очень. Я всегда любила восход солнца.

— Вы такая очаровательная девушка и такая смелая, — воодушевленно продолжал он. — Я до сих пор не могу забыть, как лихо вы подстрелили этого грифа, что напал на сеньора Охотника, — это было великолепно! Вы служили в русской армии?

— Нет, — ответила Ирина, поморщившись, — я занималась в стрелковом кружке.

— Это так необычно для такой хрупкой красавицы, я слышал, что женщины в России очень мужественны.

— Конечно, — Ирина кисло улыбнулась, — дромадера на скаку останоят, в горящий реактор войдут.

— У вас есть вопросы к гиду? — не выдержал я потока его славословий.

Ирина бросила на меня удивленный взгляд.

— Простите, что прервал вашу беседу, сеньор Охотник. — Он слегка поклонился в мою сторону. — Кстати, как вас зовут?

— Странный, — ответил я.

— О, это кличка?

— Это мое свойство. — Он начинал меня слегка раздражать.